



Руслан Сагабальян

Прозаик, эссеист, кинодраматург. Родился в Грозном в 1951 году, в детстве переехал с семьей в Ереван, а спустя годы — в Москву. Сегодня живет на два города. По первому образованию — филолог, по второму — киносценарист. Работал в ряде периодических изданий в Ереване и Москве, основал альманах мировой культуры «Комильфо», был главным редактором 64-полосной газеты о литературе «Роман-таблоид», преподавал на факультетах журналистики. Автор сценариев мультипликационных и игровых фильмов и нескольких пьес. Лауреат международной премии Медиа-союза «Золотой глагол». Около двух тысяч публикаций в периодике, семь книг прозы и публицистики. Рассказы и статьи переведены на пятнадцать языков.

Последняя женщина Йозефа К.

Удивительный город Прага. Реальный и мнимый одновременно. Похож на макет, любовно изготовленный из папье-маше золотых рук мастером, персонажем полузабытой сказки. Типичный городок в табакерке. Будто взмахнул рукой мастер-волшебник, и все ожило, задвигалось, заговорило — трамвайчики, автомобили, люди. Все, кроме соборов и башен, величественно вззирающих на суету людскую и одной лишь царственной осанкой своей напоминающих о том, кто здесь истинный хозяин. Для них будто остановилось время, и знаменитые часы на Ратуше работают не ради спящих внизу человечков, а выполняют тайный ритуал по собственному усмотрению и ради собственного удовольствия. Здесь всегда празднично и мрачновато одновременно, удивительное сочетание меланхолии и карнавала. Такое же ощущение у меня появлялось обычно в Питере: нечто застывшее во времени и оставшееся в прошлом, но изо всех сил прикидывающееся живым, даже суетным и праздничным. В любое время года. Празднично, потому что архитектура не перестает любоваться сама собой. Мрачновато, потому что погода непостоянная, чаще пасмурная. Даже летом солнце проглядывает

сквозь низкие тучи далеко не каждый день. Говорят, самое распространенное заболевание в Праге — депрессия. Не у туристов, разумеется, коих видимо-невидимо, а у горожан. Понять их можно: с самого детства и в течение всей жизни видеть каменных красавцев-великанов, один облик которых напоминает тебе о бренности бытия, о том, что ты уйдешь, исчезнешь, а они останутся...

Не только соборы и дворцы, но даже дома тут наречены именами. «Золотая щука». «У трех королей». Трехэтажный дом с кокетливой мансардой похож на старую даму благородного происхождения, которой только и остается сегодня, что вспоминать беспечную молодость, когда она была фавориткой при королевском дворе. Или другое здание — «Четыре башни». Это на углу Карповой и Майзельской, как раз мимо него я прохожу. Тоже три этажа, похож на пожилого, чуть располневшего франта, начисто забывшего о своем возрасте. Полон заботы о себе, перекрашиваться не забывает, в белых перчатках, в поношенном, некогда модном смокинге. Стоит, расправив фасад, словно даме сердца свидание назначил. Я задерживаю шаги. Он меня интересуется, я его, разумеется, нет. «Проходи, — шепчет раздраженно. — Проходи, нечего тут глазеть!» А вот не пройду, из принципа не пройду, буду стоять тут и глазеть. Кто ты такой, в конце концов, чтобы мне указывать? Он усмехнется, не зло, но высокомерно: а ты кто такой? Я не какой-нибудь там зевака-турист. Я, если хочешь знать, книги пишу. А он мне, снова усмехнувшись: ну-ну, пиши. Полное спокойствие: будто знает что-то такое, чего я не знаю. Что значит: «ну-ну, пиши»? Я, между прочим, не бухгалтерские отчеты пишу. Лучше бы бухгалтерские, — он мне отвечает. Я, говорю, кое-что поважнее пишу. Молчит. Эй, ты что, уснул?.. Молчит проклятый. Ни звука. Может, и правда, уснул, старичок.

Обхожу его с одной стороны, возвращаюсь в исходную точку, хочу обойти с другой и вижу... Вижу мемориальную доску, на которой написано, что здесь, в этом самом доме, 3 июля 1883 года родился величайший писатель прошлого столетия Франц Кафка. Извините, пардон, сорри, проминт — не знал. Это я дому. Можно войти? Молчит. Значит, можно. Я переступаю порог.

* * *

Наш мир — дурной каприз Бога, день, когда он был не в настроении.

В ту пору в Праге жили бок о бок представители трех национальностей: чехи, немцы и евреи. Нельзя сказать, что горячо любили друг друга, но делали вид, что мирно уживаются. Галантерейщик Герман Кафка, живший дотеле в чешской провинции в еврейском гетто, был чело-

веком крайне честолюбивым и, решив во что бы то ни стало выбиться в люди, переехал в столицу, где открыл свой магазин. Дела пошли на удивление хорошо, настолько, что через год Герман позволил себе жениться на дочери торговца сукном Юлии Леви. Еще через год родился Франц, а в последующие годы — три его сестры и два брата. Братья прожили недолго, и Франц так и остался единственным сыном (а значит, продолжателем дела) преуспевающего предпринимателя, человека упрямого и деспотичного, быстро приспособившегося к буржуазной морали и буржуазному ханжеству. Да, судьба бедняге Францу была уготована совершенно противоположная его натуре. Разумеется, прежде чем продолжить дело отца, он должен был получить хорошее образование. Мальчика отдали не в чешскую, а в немецкую школу, после чего он учился в немецкой гимназии. Так определился язык, которым он овладел в совершенстве и на котором годы спустя ему предстояло создавать свои творения. Впрочем, о писательстве пока никто не помышлял. И менее всего — папаша Герман, который считал литературу и искусство занятием глупым и бесполезным. Правда, учиться музыке Франца все же отдали, потому что так было заведено в «лучших домах» Праги. Однако у мальчика не было слуха. Скрипка, на которой он должен был каждый день пикивать, внушала ему ужас и отвращение. Он часто жаловался на головную боль и разного рода недомогания, им самим придуманные, до тех пор, пока ненавистный музыкальный инструмент не убрали с глаз долой.

Вообще, страхи и мрачные предощущения часто посещали Франца. Главным был страх перед отцом, далеким от педагогических тонкостей, не терпящим возражений ни в чем и стремящимся воспитать сына по своему образу и подобию. Биографы часто рассказывают об одном случае из детства Кафки, когда разгневанный лавочник вытащил сына на балкон и продержал его там в одной ночной рубашке всю ночь. Этот эпизод Франц не мог забыть до конца дней своих. Страх и чувство вины вселял в него не только отец. Тут и строгая няня, которая отчитывала его за малейшую провинность, и кухарка, которая, отводя его в школу, грозилась рассказать учителям, какой он непослушный мальчик. Прибавьте сюда старое еврейское кладбище, мимо которого он постоянно проходил, эту неосознанную близость к смерти и потустороннему миру. Прибавьте также внутреннюю тревогу мальчика по поводу собственной внешности — болезненной худобы и слишком высокого роста. Этот комплекс он будет преодолевать всю жизнь.

Ко всему вышеизложенному можете присовокупить также бремя деликатных вопросов, посещающих каждого ребенка, и моральную муштру, которой подвергался он в своей благочестивой семье. Однаж-

ды мальчик поинтересовался у отца, что значит секс в жизни людей, и получил однозначный ответ: «Это мерзость и грязь». Так заявляет авторитетный отец семейства, сим «грязным» способом наделавший, между прочим, шестерых детей. И с таким представлением о взаимоотношениях полов Франц Кафка прожил до двадцати лет. В «Дневнике», который писатель вел долгие годы, он описывает такой случай. Он, шестнадцатилетний гимназист, валялся с простудой в постели, и молодая гувернантка-француженка мадмуазель Байя дала ему почитать «Крейцерову сонату» Л. Толстого. Юноша, охваченный «крамольными» фантазиями, легко возбудился, а гувернантка незамедлительно пожелала воспользоваться его возбуждением. Можно представить себе скованного страхом паренька, который в следующее мгновение вскочил с кровати, как ошпаренный, и спасся бегством от предложенной ему «мерзости и грязи». Позже два его друга, решив посвятить пугливого девственника в тайны любви, взяли его с собой на прогулку в один из тех кварталов, коих и сегодня в Праге хватает. Девственник остался непреклонен. Впоследствии, пишет Кафка, один из друзей подхватил нехорошую болезнь, а другой стал известным врачом-венерологом. Надо полагать, этот случай в какой-то степени убедил его в правдивости слов отца и на какое-то время успокоил. Однако противоречивые порывы — непреодолимая тяга к женщинам и отторжение от них — стали неотъемлемой чертой его характера.

Несмотря на строгость нравов, семья была не слишком религиозна. С догматами иудаизма и христианства Кафка познакомился уже в зрелом возрасте, будучи студентом юридического факультета университета. Политические и общественные движения, в которые его пытались вовлечь, по-настоящему никогда его не волновали. Религия же стала инструментом познания мира и себя. Ответ на вопрос: «Откуда я?» он пытался найти в истоках еврейской веры, отвергая при этом и сионизм, и антисемитизм. С долей иронии относился к служителям церкви и скептически взирал на тех, кто периодически посещал костел или синагогу, дабы избавиться от бремени грехов своих. Грех, считал Франц, невидимый и неуловимый, сидит в нас изначально. И стоит ли роптать на грехопадение, если Зло хорошо знает Добро, но Добро ничего не знает о Зле. Такова данность. Сегодня не хуже, чем вчера, так же, как завтра не будет лучше, чем сегодня. За что мы были изгнаны из рая? Не потому, что вкусили от дерева познания, а для того лишь, чтобы, став смертными и грешными, оценить величие Бога, бессмертного и безгрешного.

Герой романа «Процесс» Йозеф К., безобидный чиновник, которого однажды утром приглашают на суд, даже не задается вопросом, в чем его вина. Ясно же, что мы живем в мире, где судить можно кого угодно, как

угодно, и совсем не важно, за что. Важно, чтобы фарс был разыгран по законам драматургии. «Вы из какого театра?» — спрашивает Йозеф К. у стражников. Согласно тем же законам фарсовой драматургии, герой ведет себя весьма легкомысленно, то произнося пылкие речи, то впадая в меланхолию, то влюбляясь, то ища покровительства у карикатурных персонажей, которые сами не ведают, что творят. Словно в полусне, мечется Йозеф К. по полутемным лабиринтам узких улочек, списанных Кафкой с реального города, в котором он прожил всю жизнь и который, кстати говоря, не очень любил. Пока не наступает час расплаты. Фарс заканчивается трагедией. Или другим фарсом. Казнью. Смертью. Неизбежностью. Казнь, жестокая и беспощадная, описана в рассказе «В исправительной колонии», написанном сразу после «Процесса». Грешники судят грешников в ложном мире, разделенном на тех, кто обязан выносить приговор и тех, кто должен нести наказание. И за этой бессмыслицей стоит нечто величественное и непостижимое, имя которому не произносят всуе. В последнем романе Кафки «Замок», где в качестве героя фигурирует все тот же Йозеф К., затерянной в глухой провинции, деревней правит невидимый граф, хозяин замка, одно имя которого внушает жителям мистический ужас. Кто он, этот всевидящий властелин абсурда? Истина в конечной инстанции? Или есть другая, еще более могущественная, вселенская истина? «Истина неразделима, — пишет Кафка и с присущей ему склонностью к парадоксам прибавляет: — Значит, она сама не может узнать себя. Кто хочет узнать ее, должен быть ложью».

Известно, что, когда в Прагу приезжал с лекциями отец антропософии Рудольф Штайнер, личность уже тогда известная, Кафка встречался с ним, надеясь, что общение с философом поможет ему найти ответ на непростые вопросы. Однако беседа не произвела на писателя большого впечатления, разве что убедила в том, что всякая истина персонифицирована, у каждого своя.

* * *

Он брал ее на колени не из жалости, это был почти эксперимент, хуже того, он предвидел развязку и все-таки делал это.

В «Процессе» у любовницы всех обвиняемых, женщины весьма соблазнительной, есть одно маленькое уродство — ладони с перепончатыми пальцами. И если учесть, что литература для Кафки — это цепочка знаков, набор притч, обособленный мир, передающий внутреннее состояние автора, его субъективное отношение к истине, то дама с перепончатыми пальцами видится не просто литературным домислом,

фантастическим персонажем, а символом, точно отражающим двойственное отношение самого писателя к женщинам. За внешней красотой и привлекательностью чаще всего кроется некая ловушка. Точно так же, как за внешним благополучием семейной жизни он видит бремя раз и навсегда заданного ритуала, из которого нет выхода. «Спать под одной крышей, есть за одним столом, дважды проживать вместе одни и те же часы — церемония, которая обязывает», — пишет он в «Дневниках».

С двадцати лет, с того дня, как он впервые познал женщину (то была продавщица из магазина готового платья в доме напротив), два противоположных чувства, подобно центробежной центростремительной силе, овладели им. Повинуясь чувству, он желал брака и долгой близости с женщиной, но, прислушиваясь к голосу разума, бежал от дам в свое замечательное уединение, в свое тягостное, страшноватое, однако единственно возможное одиночество. Возможно, все обстояло прямо противоположным образом: разумом понимал, что надо жить, как все — жениться, обзавестись детьми, домом, хозяйством, — а чувства восставали против иллюзорности общепринятого шаблона. Он обращался за советом к закоренелому холостяку дяде Альфреду, брату матери, директору железной дороги в Мадриде: каково это — без жены и детей, и нет ли ощущения дискомфорта? Судя по всему, у дяди такого ощущения не было. А вот у Франца оно было, и вместе с тем он понимал, что брак не решит его проблем, не создаст в душе желанного покоя и умиротворения. При этом он то и дело вовлекал женщин в свои метания, делая их не только свидетельницами, но и участницами его противоречивых чувств. Наиболее характерны в этом смысле взаимоотношения Кафки с Фелицей Бауэр. Познакомившись с девушкой в доме своего ближайшего друга, а впоследствии издателя Макса Брода, Франц стал писать ей вначале сдержанные, затем все более пылкие письма. Общение, эпистолярное и личное, продолжалось несколько лет, в течение которых они были помолвлены два раза, и оба раза свадьба расстраивалась по инициативе жениха, который приходил к выводу, что в этом браке не будут счастливы ни он, ни она. Причины? Их можно обнаружить в его письмах.

«Любимая, — пишет он Фелице в январе 1913 года, — прошу тебя и заклинаю, не ревнуй к моему роману. Если мои герои заметят твою ревность, они все от меня убегут... Если они от меня убегут, мне придется за ними гнаться хоть до самой преисподней, где они, кстати, чувствуют себя как дома. Роман — это я, все мои рассказы — это я; где тут, умоляю тебя, хоть малейший повод для ревности?»

В последующем письма становятся мрачнее, безнадежнее:

«...В действительности, я ничего не могу, я заперт в самом себе, и твой любимый голос доносится до меня лишь из дальней дали... Желание ради писательства отказаться от величайшего человеческого счастья неудержимо вонзается в каждый мускул. Те страхи, которые преодолевают меня на случай, если я от тебя не откажусь, омрачают все».

Не исключено, что у Фелицы был повод ревновать своего жениха не только к его произведениям, но также и к собственной подруге Грете Блох, которой Кафка, писал письма не столь пылкие, но столь же откровенные.

Затем в жизни Кафки появилась еврейская девушка Юлия Вохрьшек, дочь сапожника, с которой он познакомился в санатории, куда вселился, чтобы найти уединение и поправить пошатнувшееся здоровье. Шесть недель он общался с ней, сохраняя дистанцию, поскольку после Фелицы сама мысль о новом романе пугала его. Однако чуть позже они встречаются в Праге, и теперь уже, рассказывая о своей новой подруге Максу Броду, Франц признается, что любит ее. Папаша Герман, который был согласен на брак сына с Фелицей, на этот раз полон яростного негодования. Дочь простого сапожника, у которой в семье все еще говорят на идиш — этого ли достоин преуспевающий юрист, сын еще более преуспевающего владельца нескольких магазинов? И, тем не менее, Франц делает Юлии предложение и, получив ее согласие, готовится к свадьбе, после которой молодожены планируют перебраться в новую квартиру. Однако квартиру эту снять не удастся, и Кафка — что для него чрезвычайно характерно — воспринимает это как знак свыше. Свадьба вначале откладывается, затем и вовсе отменяется.

К тридцати семи годам Кафка накопил достаточный опыт общения с женщинами, но настоящую чувственность он познал с Миленой Есенской, журналисткой и переводчицей, женой писателя Эрнста Поллака. Дотоле секс и любовь существовали для него отдельно: первое казалось ему чувством низким, животным (не случайно он сравнивал в своих притчах людей и собак), второе — возвышенным и божественным. Помните, что говорил ему когда-то отец про грязь и мерзость? Милену, которую он называл «живым огнем», помогла ему окунуться в эту «грязь» и, оставшись чистым, почувствовать себя почти счастливым. Продолжалось это всего четыре дня, когда уже больной туберкулезом, мучимый кашлем и слабостью, Кафка тем не менее нашел в себе силы поехать к ней в Вену. Они гуляли по лесу, поднимались на холмы, любовались природой, затем долго лежали в объятиях друг друга и слушали тишину. «Милену, Милену, Милену — ничего другого писать не могу!..»

Отношениям этим не суждено было продолжаться долго хотя бы потому, что Милену была замужем, и Кафка, знавший Поллака лично

и называвший его «самым достойным и кротким человеком», мучался угрызениями совести. Но именно потому, что они, эти отношения, были запретными, они и стали столь яркими, живыми и трепетными. Письма Кафки Милене, изданные отдельной книгой после его смерти, — образчик поэтической прозы, изысканного стиля и в то же время глубокого и безжалостного самоанализа.

Кафка много лет мечтал либо эмигрировать в Палестину, либо переехать в Берлин, и только к концу жизни эта мечта частично осуществилась. Можно сказать, что в каком-то смысле Палестина переехала к нему, ну, а в Берлине он прожил целых полгода. В 1923 году он активно общался с большой группой еврейской молодежи, беженцев с Востока. Среди них была двадцатилетняя Дора Диамант, обосновавшаяся в пригороде Берлина и работавшая в Еврейском доме. О ней известно гораздо меньше, чем о других женщинах Кафки. Только то, что общение с ней настолько воодушевило изнуренного болезнью и доведенного до отчаяния писателя, что он, по утверждению Макса Брода, временами становился похож на радостного ребенка. Они вместе опускали руки в таз с горячей водой и говорили: «Наша семейная ванна». Именно к ней, к Доре, он поехал в Берлин, именно ей, последней своей женщине, сделал предложение руки и сердца, именно ей отдал свои «Дневники» на хранение. И наконец, именно она, Дора Диамант, ухаживала за своим учителем (каковым считала Кафку) в санатории доктора Гофмана, где писатель в июне 1924 года произнес свои последние и, как всегда, парадоксальные слова: «Доктор, дайте мне умереть, иначе вы убийца». Кто знает, может быть, общение с Дорой продлило его жизнь на какое-то, пусть небольшое время.

* * *

Ты моя, даже если я тебя никогда не увижу...

Недалеко от Собора святого Вита есть кривоватая, чрезвычайно узенькая улица Золотых дел мастеров, по которой и велосипедист с трудом проедет. Улица эта известна всем, кто хоть раз побывал в Праге. В 1915 году здесь, в доме номер 12, жил Франц Кафка. Это маленькое, похожее на келью отшельника помещение сняла ему его младшая сестра Оттла, когда Кафка пожаловался ей на усталость и желание уединиться.

Многие считают, что именно здесь был написан роман «Процесс» (слишком «кафкианская» тут обстановка). Однако «Процесс» был написан чуть раньше. Хотя не исключено, что здесь он его дорабатывал. Бо-

лее правдоподобна другая версия: в этом домике был задуман «Замок», прообразом которого послужил величественный собор по соседству. Однако исследователи называют и другие соборы, а их в Праге хватает. Как бы то ни было, Кафка здесь жил, и теперь это дом-музей писателя и одновременно книжный магазин. На полках в основном книги самого Кафки на разных языках, а также открытки, проспекты, сувениры — все, чем любят забивать дорожные сумки и чемоданы туристы, увешанные фотоаппаратами. Хозяйка этого маленького помещения — миловидная девушка, которую зовут Даниела. Есть в европейских женщинах что-то приветливое, что-то многообещающее, естественное, открытое, располагающее. Она охотно вступила со мной в беседу, охотно позировала для фото, затем посоветовала заглянуть на Цельтнергассе, 3. Там Франц Кафка прожил одиннадцать лет, с 1896 по 1907 гг., и там же написал свои первые рассказы. Нравились ли они ему спустя годы? Меня нередко посещал сей вопрос: насколько отстраняется автор от своих произведений.

— А еще, — прибавила Даниела, — из окна того дома хорошо просматривается магазин напротив, в котором работала продавщицей его первая женщина.

— Та, что торговала готовым платьем?

— Верно, она. Если там не были, сходите обязательно. Дом называется «У трех королей». Я сама недалеко оттуда живу...

Знакомое название: «У трех королей». Я обещал сходить, хотя вспомнил, что был там. Ничего, пусть она думает, что помогла мне. Девушка лучезарно улыбнулась на прощание. Выходя из домика, я повернулся и, в свой черед, послал ей свою не столь лучезарную, но добрую, почти отеческую улыбку. В ответ она помахала мне рукой. В помещении было не очень светло и, возможно, я не разглядел. Но мне показалось, всего лишь на мгновение почудилось, что пальцы у нее на ладони перепончатые.



Художник Игорь Ломунов